

За полчаса
до предательства

Елена

Преступные
— намерения —

ПРЕСТАП

Елена Бальшева

За полчаса до предательства

«Центрполиграф»

2013

Балышева Е. Н.

За полчаса до предательства / Е. Н. Балышева —
«Центрполиграф», 2013

Судьба уготовила Варе Атамановой нелегкую жизнь. В восемь месяцев она потеряла слух, в пять лет лишилась отца. В детстве дед рассказывал Варе о древней книге, из-за которой на их семью пало проклятие. О фолианте знал и близкий друг Вариного отца Константин Березин. Только Варя окончила школу, как убили деда. Под подозрением оказался Березин. Однако ни Варя, ни охранник Березина Алексей не верили в его причастность. Кто же тогда виновен в преступлении? Не книга же, в самом деле, мстила семье Атамановых?...

© Балышева Е. Н., 2013

© Центрполиграф, 2013

Елена Балышева

За полчаса до предательства

В одном маленьком государстве жил принц. Красавец и умница, как это принято, а еще он свято верил в то, что острова, принцессы и Бог бывают только в сказках. Так ему сказал отец.

Но однажды он ушел из дома и странствовал, пока не оказался на острове, где обитали очень красивые существа. Принц долго рассматривал их, пытаясь выяснить, что же это за чудо. И тут к нему подошел человек в вечернем наряде.

– Правда ли, что это острова? – спросил принц.

– Да, то, что ты видишь, – острова, – ответил незнакомец.

– Значит, существа, обитающие на них, – принцессы?

– Да, это принцессы.

– Тогда ты Бог?

– Да, я Бог. – Собеседник низко поклонился.

Принц, вернувшись домой, стал упрекать отца:

– Зачем ты обманывал меня? Я видел острова, принцесс и Бога.

– А твой Бог был в вечернем наряде?

– Да.

– Тогда это не Бог. Ты встретил мага, сынок, и он внушил тебе, что это острова, принцессы и Бог. Тебе лучше забыть все, что ты видел.

Но принц не послушал отца и, отправившись на остров, вновь встретился с тем человеком.

– Зачем ты обманывал меня? – спросил он.

– Хорошо, пусть будет так. Но ответь мне: открывший тебе, что я маг, носит одежду с закатанными рукавами?

– Да. Но разве это имеет какое-нибудь значение?

– Имеет. Он тоже маг и внушил тебе многое. Дома принц рассказал об этом разговоре отцу, и тот не стал возражать.

– В нашем мире нет ничего настоящего, нет островов, принцесс и Бога, – сказал он. – Есть только магия, а за магией – пустота.

– Если все так, то не стоит жить. Я хочу умереть! – сказал принц.

Король, услышав это, позвал Смерть. Она встала у дверей в ожидании принца.

Но принц раздумал умирать. Он решил, что не так уж страшно прожить эту жизнь без островов, принцесс и Бога.

Король, улыбаясь, закатал принцу рукава и тихо произнес:

– Поздравляю тебя, вот ты и стал взрослым.

Из сказок психотерапевтов

Так случилось, что рождением я предопределила гибель своей семьи. Род Атамановых, исковерканный появлением на свет девочки, к тому же глухой, прекратил свое существование в восемнадцатом колене, и некому больше изучать генеалогическое древо, любовно повешенное еще моим дедом на стене гостиной.

Сейчас мне восемнадцать, и большая часть жизни позади. Плохо ли, хорошо – не мне судить, ее просто больше нет. Изменить это не в моих силах. Хочу ли я вернуться в прошлое и все поправить? Наверное, нет. Так получилось.

Но восемнадцать лет назад все было иначе. Мой отец, тогда еще живой и веселый, всю ночь простоял под окнами роддома, в ужасе представляя муки жены и не смея даже молиться от страха. А мать, измученная процессом появления на свет ребенка, так долго и больно выбирающегося из нее на свет божий, думала только об одном: когда же это все закончится.

Наконец я заорала, и медсестра, показав ей маленького, синего, сморщенного монстра, радостно объявила: «Девочка. Поздравляю». Это были первые слова, услышанные мной после тяжелого перехода из теплого и мягкого материнского уюта в мир, где мне, похоже, были не очень рады, что тут же подтвердилось стоном той, которая столько времени удерживала меня внутри: «Уберите, мне все равно. Унесите скорее. Ничего не хочу».

Тогда я еще слышала. До сих пор не могу простить себе этого крика. Может быть, веди я себя тогда потише, сейчас все было бы иначе.

Несколько дней спустя нас с матерью выписали, и мы отправились домой. Я плохо себе представляла, что такое дом, но все, открывая на минуточку мое лицо, говорили: «Ну, деточка, здравствуй! Сейчас ты поедешь домой».

И я поехала. Впрочем, меня не спрашивали, хочу ли я другого. Отец, которого я узнала сразу, по рукам, гладившим живот мамы, взял меня, завернутую в одеяло, и понес к машине. При этом я чувствовала, как подрагивают его руки, и даже немного побаивалась, что в волнении он уронит меня с такой огромной высоты. Но все обошлось, он сел в машину, и мы поехали.

Я так устала от переживаний, что заснула, не сумев продолжить знакомство со своей семьей.

Дома нас встречали. Бабушка с дедушкой оказались шумными и хлопотливыми, что мне сразу не понравилось, а Настасья, весело подхватив меня на руки, понесла в комнату и там, уложив в кроватку, вкратце рассказала, кто есть кто. Наверное, именно в этот миг между нами пролетел ангел и навсегда сплел наши души, позволив научиться понимать друг друга с полужеста.

В восемь месяцев я заболела. Говорили: «Не страшно, лучше сделать несколько уколов, на всякий случай, чтобы не было осложнения с летальным исходом». Я не понимала: почему надо бояться? Что страшного в «летальном» исходе, сны мои были полны полетов, все свое свободное время, а у меня его тогда было очень много: кормление, купание и переодевание, – я посвящала путешествиям. Я видела столько городов, стремительно проносясь над крышами домов и площадями, я побывала на многих планетах. Особенно я любила дороги, мне нравилось передвигаться над ними, строго придерживаясь белой разметки, порой я зависала около светофоров в ожидании зеленого света.

Врач, не обращая внимания на мой громкий плач – говорить тогда я еще не умела, как, впрочем, и сейчас, – набрал полный шприц и вколол, очень больно, лекарство. К сожалению, мои возможности тогда были ограничены, сейчас я прогнала бы его прочь, с его маленьким кожаным чемоданчиком и пачками незаполненных больничных листов. Но кто слышал меня тогда? Я только орала и извивалась так, что ему едва удалось вытащить иглку из моей ягодицы, не сломав и не оставив ее во мне навсегда.

Через два дня температура перестала меня беспокоить и окружающий мир тоже. Родители наклонялись над моей кроваткой, что-то шептали, смеялись, показывая игрушки, но я перестала их понимать. Дом стал тихим, даже телевизор больше не мешал мне своими новостями.

Странно, что никто, кроме меня, не замечал этого, все продолжали заниматься своими делами: куда-то уходили, возвращались, смотрели по вечерам телевизор, покупали мне веселые игрушки и нисколько не боялись этой тишины.

Только однажды я заметила в маминых глазах тревогу. В тот день она вообще вела себя странно, подкрадывалась ко мне, стучала крышками кастрюль, широко открывала рот, навер-

ное кричала. Несколько раз я повернулась, мне показалось, что ей это приятно. Потом мы еще несколько дней играли в эту игру, я даже научилась предугадывать ее движения и поворачивать голову именно тогда, когда ей этого больше всего хотелось. Через некоторое время все прекратилось, и мы опять зажили по-старому, если не считать, конечно, того, что все они по-прежнему открывали рот, но ничего не говорили, а игрушки перестали греметь и пищать.

Отец, вечно занятый на работе, приходил домой поздно. Я всегда обещала себе, что обязательно его дождусь, но сон оказывался сильнее, и мы виделись только в выходные.

Он был очень красивый, мой отец, высокий, рыжий, с голубыми смешливыми глазами. Каждый раз, поднимая меня на руки, он спрашивал: «Красавица, как твои дела?» А еще он пел мне всякие глупые песенки про паровозик с котом на крыше и комариков на шариках. Я до сих пор думаю, что тогда он не простил мне дурного поведения по отношению к доктору и поэтому выключил звук голоса, но и молчаливое пение радовало меня, я научилась понимать его по губам. По воскресеньям мы с ним гуляли в парке, я подсматривала в пластиковое окошко коляски за детьми и собаками, а он шел важно, катя перед собой коляску с наследницей.

Мне очень хотелось быть достойной своей семьи, поэтому я решила начать говорить, но только так, как они, – громко и с улыбкой. Я долго думала: «Кого первым назвать по имени?» Папа хороший и добрый, мама, она особенная, несмотря на то что я так не понравилась ей в роддоме, простила меня и полюбила. Я выбрала маму. Оставалось только придумать, когда заговорить. И опять я все сделала неправильно. В тот вечер у нас были гости: бабушка с дедушкой и какие-то другие люди. Они протягивали маме цветы, цветные пакеты, говорили о чем-то, открывая рот, улыбались, подходили к моей кровати, тыкали двумя пальцами в мой живот, а я смеялась – знала, им это было приятно, и ждала, когда же, наконец, и я смогу показать им, чему научилась. Дождавшись того момента, когда все гости соберутся в комнате, я встала, крепко вцепившись в бортик кровати, и закричала: «Мама!» Но никто не заметил. После этого я еще несколько раз повторила: «Мама, мама!» Они не слышали, они не слушали меня. И тогда я заплакала, я плакала долго-долго, и не могла успокоиться, не потому, что хотела отомстить, а потому, что видела – меня не слышат, не понимают и со мной что-то не так.

Сейчас мне восемнадцать лет, и я до сих пор помню то отчаяние. Я ненавидела и жалела себя, я хотела к ним, туда, где все понимают друг друга. С годами я узнала, что недостаточно быть слышащим, чтобы стать своим в этом мире, но тогда... Считается, что маленький ребенок не оценивает происходящее вокруг, он просто живет своими одномоментными потребностями. Это неправда. Я помню себя с первой минуты и точно знаю, что это не так. К сожалению, я не умела тогда выразить свои чувства, не научилась и теперь, когда жизнь подходит к концу.

Через несколько дней после моей неудачной попытки поговорить мы пошли к врачу. И опять я, интуитивно чувствуя заранее, вовремя поворачивалась на звуки дудки и барабана, складывала пуговицы в коробочку и ни разу не ошиблась. Мать с доктором качали головой, о чем-то долго говорили, смотрели, как я играю в углу кабинета с плюшевым медведем, и явно не знали, что делать. Мама неожиданно расплакалась, стала о чем-то просить доктора, но он остался непреклонным, записал что-то в мою карточку и выпроводил нас из кабинета. На этом мои испытания прекратились.

Я росла. Научившись сначала ползать, а потом ходить, я стала познавать окружающий мир, стаскивая со стола скатерть, ломая ручки, карандаши и прочие дорогие моему отцу вещи. Не помню, чтобы он хоть раз отругал меня или шлепнул, даже тогда, когда его любимая пишущая машинка, упав, приказала долго жить. Мама же часто хлопала меня по попе. Но ее рука, легкая и добрая, особенного вреда не приносила и уж никак не могла помешать мне самостоятельно осваивать пространство комнаты.

Я становилась старше, но не говорила. После первой неудачной попытки порадовать родителей криком «мама!» я не перестала мучить свое горло звуками. Я не молчала, пела песни, сочиняла про себя целые истории, но не имела возможности выразить это в словах. К

пяти годам, придумав новый язык, я дала каждому предмету, попадавшему в круг моих интересов, собственные названия, но они явно не совпадали с общепринятыми; карандаш, например, я окрестила «чваки», фломастеры, особенно любимые мной, – «блобусы», а собак я считала просто «бруками».

Родители тревожились, не находили себе места, точно зная, что ребенок моего возраста обязан говорить фразами, но я упорно молчала, продолжая правильно реагировать на дудки и барабаны, а также на движения губ разных специалистов. Не могла же я огорчать маму.

Диагноз, ради которого мы обошли не одну поликлинику, был неизменен: «Подождите, скоро заболтает, девочка в норме, ленивая, не хочет». Но я хотела, я очень хотела, просто не знала как.

В октябре меня показали логопеду. Это посещение оказалось для меня даже интереснее, чем исследование письменного стола папы. В его кабинете, набитом игрушками, в самом центре я увидела компьютер, по экрану которого носились медвежата, которые что-то складывали в корзины, играли в футбол, танцевали. Я так увлеклась увиденным, что забыла и в первый раз подвела маму, не повернувшись на звуки «па-па-па». Я забыла настроиться и почувствовать, я была очень занята.

«Как же так? Это невозможно. Она всегда хорошо реагировала на звуки?» Я знаю, мама говорила логопеду именно это.

Потом меня повели в другой кабинет, скучный. Там сидела странная тетя в белом халате, улыбалась, но к игрушкам подходить не разрешила. Я чувствовала ее симпатию, но вела она себя странно: развернув меня спиной к письменному столу, на котором стоял «ящик с лампочками», надела на мои уши круглые штуки, неприятно сжавшие голову, приказала сидеть и внимательно слушать. Я совсем потерялась. Задание, очень простое для моих пяти лет, состояло в том, что в какой-то момент я должна была взять с магнитной доски разноцветную фишку и положить в коробочку. Но когда? Никто не шевелил губами, дудок и барабанов я не видела, все улыбались, а мне хотелось плакать. Тогда я еще не умела «держаться в руках» и, не придумав ничего лучшего, разревелась. Я плакала за маму, папу, себя. Не понимая еще происхождения, я чувствовала – произошло страшное, я опозорила семью, и вообще, со мной что-то не так. Я плохая, и, наверное, меня не за что больше любить. Но ведь я ни в чем не виновата: я старалась, я просто не понимаю, как выполнить это задание. Я ничего не чувствую, мне трудно из-за этих штук на ушах.

Как выяснилось, это не мир замолчал после укола, и дело не в моем неумении быть послушной. Просто лекарство, введенное на всякий случай, чтобы не было осложнения, сделало меня глухой. Вот почему они все перестали говорить, а только шевелили губами. Конечно, тогда я этого не поняла, я только видела, что мама снова плачет: я подвела ее и опять огорчила.

Весь вечер родители, сидя на кухне, что-то обсуждали. Я знала, что говорили обо мне. Надеюсь, что папа, как обычно, зайдет поцеловать меня на ночь, я решила ни за что не засыпать до его прихода, но он то ли не захотел, то ли забыл прийти. Я ждала очень долго, так долго, что даже не заметила, как полетела над дорогой, туда, в тот мир, где все поют и говорят на моем языке.

* * *

Беда пришла тихо, без выстрелов и боя барабанов, нарядилась в белый халат врача, взяла в руки шприц и навсегда сделала их девочку глухой. Тихая безысходность событий.

– Ну, не слышит, и что? Ничего страшного. Купим слуховой аппарат, отдадим на занятия к лучшим педагогам. Главное, теперь мы знаем, почему она молчит, – твердил Илья, не смея проглотить налитую ему женой стопку водки.

– Илюша, как же так, ведь она теперь уже никогда не сможет учиться в школе, и дети, они такие злые, разве будут дружить с ней?

– До этого дружили, а теперь что изменилось? Будет с нами общаться, мы ничуть не хуже ее Светки Белоусовой.

Слова утешения не приносили, но говорить их было необходимо, иначе нельзя: тишина раздавит, уничтожит последнюю надежду. Надо делать вид, что ничего страшного не происходит, обязательно найдется выход из ситуации и решение проблемы так просто, что даже переживать из-за нее не стоит.

Наталья слушала и не верила.

– Врач сказал, надо купить слуховой аппарат.

– Я завтра же позвоню Инне Васильевне и все подробно узнаю. А сейчас давай спать, и перестань плакать, этим не поможешь. Себя измучила, меня измучила.

– Мы ничего не знали. Пять лет. Как же так? Ведь она реагировала на дудки и барабаны. Господи, за что?

– Не хочу больше о дудках и барабанах, хватит, я в последнее время только и слышу: дудки и барабаны. Нам сегодня русским языком сказали: путь один – педагогический, девочку надо искусственно учить говорить. Будет трудно, но мы справимся. Главное, что теперь мы точно знаем, в чем проблема.

– Но как же так? Почему? За что?

– Милая, прекрати истерику, прорвемся как-нибудь, Варенька будет говорить.

– Но ведь дудки и барабаны?...

– Все! Все! Давай спать. Я только пойду попрощаюсь с девочкой.

В детской было тихо и покойно, Варя пошевелилась, сладко чмокнула во сне, но не проснулась. «Девочка, бедная моя, ничего. Все у нас получится. Спи, родная, набирайся сил, теперь тебе придется много работать, чтобы стать полноценным человеком». – Еще раз поцеловав дочь, он вышел из комнаты и пошел спать. Завтра тяжелый день, а для него к тому же и последний, впрочем, этого он знать тогда не мог. А в спальне – убитая горем жена. Вряд ли она заснет сегодня, так и пролежит с открытыми глазами, мясорубкой перемалывая одни и те же мысли, иногда поскуливая: «За что, Господи?»

Прижавшись к теплому боку жены, он быстро заснул, надо было отдохнуть, чтобы со свежей головой принять решение о будущем. Ему снилась всякая ерунда, и не было в ней беды или радости, обычные проблемные сны, с чередующимися событиями, без предсказаний и знаков, сны ни о чем.

Утром, наскоро приняв душ и позавтракав, он ушел на работу. Дверной замок, шелкнув, надежно закрыл квартиру, сердце стукнуло, будто предчувствуя что-то, но, боясь опоздать, он не повернул назад, не вернулся посмотреть еще раз на спящих женщин, маленькую и взрослую, ушел, не успев толком попрощаться.

Наталья еще спала, когда телефон тревожной дрелью взорвался на журнальном столике. Звонил партнер и начальник Ильи.

– Наташка, вы что там, еще спите? Где Илюша? Уже ушел?

Ее всегда так смешило: это у «Илюши», мужика под два метра ростом, здорового, мог на себе «домик унести» – и такое детское имя.

– Не знаю. Его, кажется, нет. Я спала, извини. Сейчас посмотрю. Илья?

Квартира ответила тишиной.

– Костя, я не слышала, как он уходил, может, и проспал, у нас вчера жуткий вечер был. Позвони ему на трубу.

– Да звонил. Не отвечает. У нас заказ с верфями горит. Он ее дома не забыл?

– Нет, он без телефона никуда. Подожди, сейчас приедет. – И положила трубку.

У Ильи была дурная привычка избирательно отвечать на телефонные звонки, они даже несколько раз ссорились из-за этого. Но он продолжал упорствовать, и Наталья постепенно к этому привыкла, поэтому несколько не встревожилась звонком Березина. Опаздывает, не хочет оправдываться. Потянувшись в последний раз, она встала и пошла готовить завтрак. Скоро проснется Варя, ее надо покормить и решить, с чего начать. К кому сегодня они поедут. Вариантов немного: сурдо-центр, там хорошие сурдопедагоги и кооператив «Слух». Впрочем, с аппаратами лучше подождать, пусть благоверный сначала поговорит с Инной Васильевной. С ней можно и вечером встретиться, она свой человек и с Илюшей лет двести знакома, а в сурдоцентр ехать надо.

Снова захотелось плакать. Как же так, их девочка, такая умненькая и красивая, теперь будет разговаривать руками и никогда не услышит шум моря?

За завтраком и утренней уборкой они провозились часа два. Варька баловалась, капризничала и очень раздражала Наталью, уснувшую только под утро и разбуженную дурацким звонком Илюшиного шефа.

Лучше выяснить на всякий случай, может, он уже дозвонился куда-нибудь и что-то решил. Набрав номер рабочего телефона мужа, она стала натягивать на дочку новые колготки, та отбрыкивалась, выскальзывала ножками и никак не хотела одеваться.

– Хватит! – прикрикнула она на ребенка, но дочь никак не отреагировала.

Господи, она же не слышит, стукнуло тяжелым молотком в сердце.

– Алё, – изменившимся от горя голосом простонала она, когда на том конце взяли наконец трубку. – Илья, как же все дальше будет?

– Вы знаете, он еще не подъехал. А кто его спрашивает?

Тут она поняла, что говорит вовсе не с мужем. Это был Андрей, один из сотрудников Ильи.

– Здравствуйте, Андрей. Это Наташа. А куда он уехал, не знаете?

– Его с утра нет. Тут все стоят на ушах. Генеральный с утра рычит и к себе в кабинет срочно требует, но Илья Сергеевич как в воду канул. Нигде нет.

– Генеральный?

– Илья Сергеевич вчера взял домой документы на доработку и не везет.

– Хорошо. Я позвоню ему на сотовый.

– Позвоните, пожалуйста. Нам он не отвечает. И передайте, пожалуйста, если не трудно, что он нам очень, очень нужен. Пусть приедет или отзвонится.

– Хорошо, Андрюшенька, я обязательно передам.

Судя по тому, как Андрей два раза повторил «пожалуйста», там у них и вправду переполох.

«Интересно, где же он? Может, у Инны Васильевны? Вот было бы хорошо, если он уже все узнал и нашел слуховой аппарат. Вчера он не собирался ехать, теперь еще на работе неприятности у него будут. Что же нам так не везет? Ничего не сказал, поехал, непонятный человек».

Тогда она еще не знала, что Илья Сергеевич Шеманский, тридцати семи лет, поступивший в Александровскую городскую больницу в десять часов тридцать четыре минуты с открытой черепно-мозговой травмой, лежит в реанимационной палате, голый и не чувствующий боли, после трехчасовой операции, проведенной местным нейрохирургом, специалистом третьей категории Злобиной Татьяной Алексеевной, и больше никогда и ничего не скажет. Врачи ждали результата. Согласно их прогнозу, он выжить не мог, но чем черт не шутит, чудеса еще никто не отменял.

– Может, родным сообщить? – Молоденькая медсестра работала только второй месяц и еще не освоила «врачебную этику».

– Зачем? Нужен будет, сами найдут. Его же на «скорой» привезли, значит, в справочную передали.

– А вдруг он в себя придет? Поговорить захочет?

– Иди лучше пару уколов сделай, потренируйся. Он, если и придет в сознание, то не скоро, а говорить, похоже, больше никогда не будет.

Девушка, еще не привыкшая к смерти, не понимала хладнокровия дежурного врача: «Человек умирает, а она так. А ведь у больного наверняка – жена, дети...»

Пройдет еще немного времени, и девочка-медсестра научится не замечать боль и страдания, и вовсе не оттого, что душа очерствеет, – иначе не выжить, не сохранить сердце здоровым. А пока...

– Я все-таки позвоню?

– Иди, говорю, в отделение, – отрезала врач.

* * *

Варя категорически отказывалась одеваться, брыкалась, отталкивала колготки. Наталья уже хотела ее наказать, когда вновь позвонил Костя:

– Наталья, где Илья? Ты точно не знаешь?

– Да нет же. Я несколько раз набирала его, не отвечает. Сейчас еще в одно место попробую.

– Где это? Может, я сам?

– Нет, ты не знаешь. Мы вчера обследовали Вареньку, у нее глухота, может, он у Инны, она обещала помочь с аппаратами.

– У Корольковой? Знаю. Я ей сам сейчас отзвонюсь, а ты не переживай, найдем мы твоего мужа, если жив.

Она снова стала натягивать на Варьку колготки, но теперь уже не слушались руки, а не дочь. Предчувствие чего-то еще более страшного, чем диагноз, поставленный вчера дочери, завладело ею, сердце два раза тревожно стукнуло и притихло, боясь будущей правды.

В тот день он так и не появился. В службе поиска пропавших людей сообщили, что авария случилась недалеко от их дома и гражданин Шеманский доставлен в городскую больницу номер двадцать два в тяжелом состоянии. Телефон справочной службы никак не хотел отвечать, и она позвонила матери, у которой там работала подруга, с просьбой все выяснить. Хотя уже точно знала, что выяснять ничего не надо. Илья умер и домой не вернется. Ошибиться она не могла, слишком уж спокойно и безразлично стучало сердце. Оставалось только найти способ последовать за ним, но так, чтобы не пострадала Варя.

Хоронили его тихо, без особых речей и поминаний. Костя заказал два автобуса для сотрудников и «Волгу» для Натальи с родителями. Варю решили с собой не брать. Зачем пугать ребенка? Понять еще ничего не может, маленькая, рано ей смерть видеть. Настя тоже хотела ехать, но Наталья упростила ее остаться с племянницей, не хотелось обращаться к другим, да еще в такой день.

В морг приехали вовремя, но, как оказалось, позже всех. Первым к ней подошел Костя, восторженно и так неуместно по-детски затараторил: «Лицо изменилось, совершенно неузнаваемое. Да, еще и без волос, в косынке. Я с трудом нашел».

Наташа чуть не упала в обморок от этих слов, но собралась, не разрешила себе расслабляться.

Илья лежал справа, у колонны, и ничуть не изменился. Она сразу узнала его. Это был ее муж, с немного припухшими и закрытыми, точно в глубоком сне, веками.

– Здравствуй, Илюша. Ну как ты тут?

Мать посмотрела на нее как на сумасшедшую, но ничего не сказала. Она мешала своим подслушиванием, сострадательно-навязчивым, нарушающим канву последнего разговора.

– Мама, отойдите, пожалуйста. Можно нам побыть вдвоем?

– Наташа, ты что? Он умер. Лучше поплачь, посмотри. Не обращай к нему как к живому, – горько выдохнула Владлена Александровна.

– Мама. Я прошу вас, не надо. Он жив. Он еще вернется. Отойдите! – сорвавшись на крик, грубый, неуместный, зарыдала она.

Мать отошла в сторону, но глаз с дочери не спускала, приготовив на всякий случай пузырек с каким-то сердечным лекарством.

В отличие от Владлены, в последнее время часто бывавшей на похоронах, Наталья покойника видела впервые. Она с детства боялась смерти, думала, что нет ничего страшнее мертвого тела. Но оказалось иначе – пугают не покойники, пугает необратимость, невозможность возвращения.

Кто-то подходил, клал цветы, ее обнимали, но она не замечала. Только бы не расставаться. Пусть немного опоздает автобус, пусть работники морга будут долго торговаться о вознаграждении. Еще несколько минут. Он вот так полежит, она постоит рядом, расскажет, как опять ничего не успела, не выяснила о Варьке, как холодно и страшно оставаться одной, особенно по ночам; поплачет, тихо, бесслезно, о том, что не умеет жить без него, и ждет его возвращения, и не верит, даже сейчас, стоя около гроба, с раздражающе красной обивкой, что его никогда не будет.

Но тут гроб закрыли крышкой и понесли в автобус, не дав ей договорить.

Потом на кладбище кто-то обещал найти убийц, не бросить в беде семью и прочее, обычное для похорон. А она думала только о том, что чем больше людей узнает о его смерти, тем меньше вероятность его возвращения. Зачем они здесь? Ведь им все равно...

Утром, проснувшись, я поняла, что опоздала, папа уже уехал на работу, наверное, он очень торопился или обиделся. «Вечером, я обниму его вечером», – решила я и отправилась заниматься своими важными детскими делами. Но тревога осталась.

Вечером он не пришел, он вообще больше никогда не пришел. С тех пор я его никогда не видела, наверное, он ушел от нас специально, потому что я глухая. Даже потом, когда мне рассказали о его смерти подробно, я так и не поверила в случайность, точно зная, что причиной его гибели стала моя неполноценность. Ему было стыдно за такую дочь. Может быть, не будь я глухой, он дожил бы лет до семидесяти и ушел тихо, в кругу семьи, со спокойной мудростью на лице.

Теперь, вспоминая то время, я все чаще ловлю себя на мысли, что счастлива была только там, в стране выдуманных героев, с такой любовью отвечавших каждому простому движению моей юной души.

Детская память мимолетна. Сейчас мне кажется, что после смерти отца в нашем доме ничего не изменилось, только к запаху свежей клубники, неизменно царившему по утрам на кухне, примешался привкус каких-то лекарств с примесью табачного дыма. А еще что-то случилось с зеркалом в прихожей. Выбежав однажды из детской, я увидела, что оно покрыто черной вуалью. Зеркало показалось мне очень странным. Раньше это было просто зеркало, и я любила покрутиться перед ним, представляя себя красавицей. Но под вуалью... Я его боялась, казалось, стоит остановиться неподалеку или замедлить шаг, и серебристая гладь, колышущая изнутри вуаль, затянет туда, откуда нет возврата.

* * *

Мама то плакала, то смеялась, вела себя странно, а потом притихла. Она очень подурнела за это время и меня больше не любила, я ей сильно мешала. Стараясь как можно реже попадаться ей на глаза, я большую часть времени проводила у Насти или в своей комнате, продол-

жая болтать со своими вымышленными друзьями. В наших беседах теперь было все больше новых слов – простых и понятных мне и все больше и больше отличавшихся от общепринятых, тех, которые использовали в общении люди. Но кто мог мне это объяснить?

Ни у Натальи, ни у мужа в роду не было глухих. Поэтому предположение генетического происхождения сенсоневральной тугоухости Инна Васильевна, знакомая Ильи, скупно консультируя по телефону, отмела сразу. «Прежде всего выясните, что послужило причиной потери слуха, а потом будем протезировать», – без прежней теплоты в голосе закончила она разговор с неинтересной ей Наташей. Она явно не хотела заниматься проблемами Шеманских. Пришлось брать телефонный справочник и разыскивать самостоятельно адреса клиник, занимающихся слухопротезированием.

На приеме в НИИ ЛООР первым делом ей предложили совместно с мужем сдать кровь на какой-то там белок, недавно открытый генетиками. Наташа долго и путано объясняла про погибшего мужа и отсутствие глухих в их семьях. Известие о смерти Ильи на врача впечатления не произвело, ему давно уже наскучили истории о бедах и болезнях пациентов; делая вид, что слушает внимательно, он вздыхал в нужном месте рассказа, опускал глаза, но не слушал. Наталья точно знала – неинтересно ему. Уже выписывая направление, он вдруг оторвал глаза от бланка и спросил:

– А родители мужа согласятся?

– Они тоже умерли.

– «В чертогах смерти, видно, пир горой, что столько свежих королевских трупов нагромодила...» – зачем-то процитировал он Шекспира и снова склонился над листом бумаги. – Все родственники на том свете или кто остался?

– Нет, господин эрудит. – Ей вдруг так захотелось врезать по этой холеной морде, чтобы не позволял себе хамства. – Есть сестра мужа – Настя.

– Так найдите ее и пригласите к нам, пусть отдаст каплю юной крови «вампирам»-генетикам.

– Юной? Может, она старуха?

– Ну, это вам лучше известно. Впрочем, думаю, причина глухоты вашей дочери другая. – Неожиданно изменив интонацию, он заговорил по-настоящему: вкрадчиво и внимательно, как должно говорить медику с родственниками больного.

– Инна Васильевна тоже так считает.

– Не знаю, о ком вы. Скажите, ведь у вас и вашего мужа неслышащих в роду не было?

– Нет, по крайней мере, нам об этом не рассказывали.

Было, не было – как теперь об этом узнаешь? Они познакомились, когда родители Ильи уже погибли в автомобильной катастрофе, из родственников оставалась только тетка, уехавшая через неделю после свадьбы в Кингисепп и не появившаяся даже тогда, когда родилась Варька. Илья рассказывал о каких-то еще родственниках. Но кто они и где живут?

– Тогда сестра. Она придет?

Увлечшись воспоминаниями, она не расслышала последнего вопроса, пришлось переспрашивать. Чувствуя себя невероятно униженной, она никак не могла сосредоточиться. А тот, как будто увидев это, сделал минутную паузу и задал вопрос, удививший ее своей беспардонностью: «А как погиб ваш муж?»

Почему-то вместо того, чтобы поставить нахала на место, Наталья стала рассказывать о том, как они узнали о Вариной глухоте, и звонках мобильного, не дававших собраться с мыслями, и морге, где все мешало поговорить с Ильей, даже о Боге, так жестоко обошедшемся с ними. А он сидел и слушал так, словно только этой истории ждал последние полгода.

Советы многоопытных коллег ничему его не научили. Заучивая наизусть Шекспира и цитируя к месту и не очень, внушая себе, что он просто врач, а приходящие в его кабинет

не больше чем пациенты и в его обязанности не входит сострадание, каждый раз, видя слезы и безысходность, он продолжал откликаться на чужую боль. Вот и сейчас хотелось прижать эту совершенно незнакомую женщину к белой груди халата, посочувствовать ей, пообещать прекращение бед и еще что-то.

Не успев, слава богу, наделать глупостей, он продолжил:

– Серьезные заболевания во время беременности?

– Нет, никаких.

– Ребенок часто болеет?

– Нет, обычно. Простуда, грипп без осложнений, ветрянки. Она легко переносит: два-три дня температура, и уже носится по квартире.

– Антибиотики кололи?

– Один раз, на всякий случай, гинтомицин, для профилактики.

– Что значит гинтомицин на всякий случай?

– Ну, я не знаю. У нее понос был. Врач выписал. Мы медсестру нашли, она уколы делала.

– Кровь можете не сдавать. Сенсоневральная тугоухость приобретенная, единственное, чем могу утешить, – дети вашей дочери будут слышать.

– Она оглохла от поноса?

– Нет. Девочка потеряла слух после внутримышечного введения гинтомицина. Обычное дело. Странно, что лечащий врач позабыл сообщить вам о возможном осложнении, а может, и не знал. Тогда на это мало обращали внимание: новый препарат, малоизученный.

– Вы хотите сказать, что ваш коллега по собственной некомпетентности сделал мою девочку глухой и не понесет за это никакой ответственности? – Руки Натальи дрожали, лицо стало багровым от негодования.

– Конечно, не понесет, он спасал ребенка, и эта мера явилась крайне необходимой. – заставляя себя вновь стать циничным, парировал сурдолог. – Естественно, это неправильно, и выписавший рецепт врач обязан отвечать. Но кому? Мелкая медицинская ошибка, не повлекшая за собой утраты человеческой жизни. Не более.

– Что значит спасал? От чего? От поноса?

– Не от поноса, а от кишечной инфекции. Судиться с медициной – дело пустое. Давайте лучше обдумаем пути реабилитации.

– А потом окажется, что и вы ошиблись? И она совсем оглохнет?

– Не доверяете мне – найдите другого сурдолога.

Что за работа? Разве сейчас можно объяснить ей, что ребенок уже никогда не будет слышать полноценно, что девочке придется собирать слова, как мозаику, по догадке, по неясным слуховым ощущениям. И нет таких слуховых аппаратов, которые могли бы поправить положение. Может быть, взять и выпалить: «Ваша дочь никогда не будет нормальным человеком. Пусть вы пожертвуете на это всю свою жизнь. Все равно она будет слышать по-своему, иначе, чем вы, говорить, даже когда вы научитесь ее понимать, ужасно, издавая неприятные гортанные звуки, а мировосприятие ее останется на уровне семилетнего ребенка и в тридцать лет. И не потому, что дурочка. Если для слышащих детей квадрат – это просто квадрат, то для нее квадрат – это тоже квадрат, но только в цветочек. Девочка вырастет, выучит все возможные слова и формулы, окончит школу, может быть, даже поступит в институт, но она никогда не найдет общего языка со своими сверстниками. Хорошо, если подвернется какой-нибудь старый козел или восторженный мечтатель и женится на ней. Но чудес не бывает – и дочь, и зять ваши будут большими, половозрелыми детьми, плохослышащими и неприспособленными к нормальному быту. Сначала вы будете страдать молча, потом решитесь на первое высказывание, на первый скандал и потеряете дочь, которая уйдет вслед за мужем, а вы останетесь одна, с осознанием бесполезно потраченной жизни».

Но сказать это – значит убить веру в будущее. И он не вправе, пусть лучше – сурдопедагог.

– Давайте по существу. У вас есть только одна возможность вернуть ее в мир слышащих: подобрать хорошие слуховые аппараты и найти сурдопедагога.

– Боже мой! Вы о чем? Моя девочка потеряла слух по вине лечащего врача, и никто за это не ответит.

– А еще ваша девочка, пока ее мать размышляла о своих бедах, упустила драгоценное время. Вместо того чтобы учиться говорить и понимать речь других, она придумывала ирреальный мир и жила в нем. Давайте прекратим искать виновных и займемся делом. Как у вас с деньгами?

– Сколько я вам должна?

– Я не о том. На какую сумму мы можем рассчитывать при подборе аппарата?

– Все равно, лишь бы она слышала.

– Так, как вы, она никогда слышать не будет, но что-то услышит, вопрос в ваших материальных возможностях.

– Откуда в вас столько бессердечия? Неужели вас не волнует будущее ребенка?

– Я всегда был за правду. Не стоит меня ни в чем обвинять. Ваша дочь ко мне имеет малое отношение, а продажа слуховых аппаратов – большое. Я профессионал; если вам хочется поохать и повздыхать – идите к психологу. Моя задача – качественное протезирование, исходя из расчета возможностей клиента. – «А еще мне очень хочется помочь лично вам, – неожиданно всплыло откуда-то из глубин сознания, – потому что я никогда прежде не встречал таких красивых и таких несчастных женщин».

«Хорошо, что до конца приема не больше часа, так и до психиатрии недалеко», – подумал доктор, глядя вслед выходящей из кабинета Наталье, после чего, вымыв руки над узкой раковиной в кабинете, постарался забыть подробности разговора с пациенткой – у него своих проблем выше крыши, чтобы чужими проникаться.

* * *

Вечером, сидя в кафе, в обществе очередной подруги, он никак не мог избавиться от мысли, что упустил очень важную деталь в разговоре с предпоследней пациенткой и теперь сложный механизм его судьбы разладится, перестанет работать должным образом. Что-то удивительное присутствовало в этой женщине, хотелось бросить все и вместе с ней оказаться на каком-нибудь далеком и экзотическом острове, с пальмами, белым песком, качающимися на рейде яхтами. Перед глазами возникла сцена из классического английского романа, в которой он отдавал команды нерадивому капитану яхты, а она, изнеженно-утонченная, пила шампанское в шезлонге и влюбленно всматривалась в его лицо.

– Тебе что? Водку или пиво? Могу коньяк, мой шеф сегодня контейнер мочалок скинул, я при деньгах.

Грубоватый голос спутницы нарушил атлантический пейзаж, недавняя пациентка, яхта и капитан растворились в дешевом сигаретном дыму, чтобы уже не возвратиться никогда.

Посмотрев на подругу, он подумал: «Ничуть не хуже той дамочки, немного замучена безденежьем, работой не на своем месте. И что с того?» Улыбнувшись «королеве мочалок» и хлопнув сотку водки, он успокоился. Завтра он снова будет цитировать Шекспира и делать вид, что ему нет дела до чужих страданий. А сегодня он отдыхает, пошли они к черту, эти виды океана с борта несуществующей яхты.

В один из весенних дней, когда по улице гуляло недавно проснувшееся счастливое солнце, а облака, совсем юные, еще не научились превращаться в тучи, мама с бабушкой повезли меня в больницу, там мне в уши вставили две какие-то трубочки с коробочками, и я стала слышать. Мир звуков испугал меня, слова оказались незнакомыми, и я их не понимала.

Та же тетя, что когда-то назвала меня глухой, шипела у меня за спиной, орала «па-па-па», а я боялась, вздрагивала, один раз даже заплакала. А они радовались. Они больше не любили меня, иначе не стали бы так мучить. И я отказалась от них. Мне больше не хотелось видеть маму, она предала меня, я ненавидела улыбающуюся бабушку. Именно тогда я решила: вырасту и уйду от них навсегда.

Тетя Лена, так звали тетю с веселыми мишками в компьютере, пообещала научить меня говорить, и страдания мои умножились. Два раза в неделю мы ездили к ней на занятия. Сейчас я уже не помню ее лица, только руки и какие-то железные палки, которые она запихивала в мой рот, заставляя произносить то «па», то «ша», повторять за ней слова из чужого, непонятного языка.

Дома все повторялось: мама или бабушка сажали меня за стол, показывали картинки, подкладывали под них листочки с буквами и требовали называть знакомые мне предметы чужими, неизвестными именами. К восьми годам я освоила два языка: родной и тот, которому меня учили.

Как жаль, что рядом не было отца, он бы все понял и не заставлял бы меня врать. Жизнь складывалась не в мою пользу и без поддержки высших сил. Дед последние годы отсиживался на даче, появлялся редко и ни во что не хотел вмешиваться, тем более в мое образование. А потом произошло заранее запланированное мамой и бабушкой событие: я пошла в школу.

Когда начались занятия, они измучили всех, Варька заговорила, скоро, непонятно. Наталью предупреждали: речь смазанная, без интонирования – норма для детей с такой потерей слуха. Но утешения это не приносило. Девочка болтала без умолку, но о чем – надо было догадываться. Окружающие просто принимали ее за идиотку, задавали вопросы, поучали, советовали.

Почему люди, как правило вежливые и неназойливые в любых иных вопросах, лезут с поучениями и рекомендациями, когда дело касается воспитания и образования чужих детей? Не проходило дня, чтобы какой-нибудь милый человек в общественном транспорте, склонившись к Наталье пониже, не говорил: «Ребенком, дорогая, необходимо заниматься, даже если он такой» или «Ах, какая красивая девочка и совсем не говорит, вы начинайте с коротких слов и, вообще, побольше общайтесь с ребенком». Наталья не злилась, только иногда ночью, представляя себе будущее, горько, по-старушечьи плакала в подушку, слушая Варино довольное сопение.

Да, дочь не такая, как все. Придя из школы, она никогда не сможет весело рассказать о пятёрке по чтению и о том, как сосед по парте двинул ей по спине портфелем, а она его чуть не прибила. Нет, рассказать она, конечно, сможет, но придется вслушиваться в слова, вычленять звуки, догадываться по контексту. К тому же она плохо запоминает названия предметов, глаголы более или менее выучила, а существительные никак ей не даются. Такие простые слова, как «стол» или «книга», звучат у нее витиевато, совсем не так, как обычно.

Массовой школы для дочери Наташа не искала, пусть Варя учится «со своими», в спецшколе для детей с потерей слуха, как-никак беда у них общая. Но бабушка, «возмущенная таким отношением к ребенку и семейным традициям», не позволила: «Дети Атамановых никогда не учились в заведениях. Может, конечно, у Шеманских такое и бывало, ты у Насти спроси. Она наверняка многое помнит». И дальше шел текст о безответственности, лени, неуважении к прошлому.

Когда и за что она так сильно невзлюбила Настю, сестру Ильи, Наталья не заметила. Но если речь заходила о Насте, лицо Владлены Александровны, еще достаточно красивое, краснело, а губы превращались в скорбный угол. «Эта негодяйка, женившись вместе с Ильей на моей дочери, приехала и поселилась в нашей квартире, мало того, еще в дела семьи лезет, дрянь».

Так было каждый раз, бороться с этим было бесполезно. Она, словно попугай, твердила одно и то же, и никакие аргументы для нее больше не существовали. Оставалось только, виновато глядя на Настю, повторять: «Не обижайся, пожалуйста, ты же знаешь, как мы все переживали смерть Илюши, к тому же они, слава богу, с нами не живут».

После смерти Ильи семья совсем развалилась, но не сразу, потихоньку. Первым отделился отец, теперь он жил на даче, в городе бывать не любил, и раздражался на любую попытку втянуть его в решение каких-либо вопросов. У него была печка, парники и воспоминания. Иногда, выпивая с соседом, таким же неприкаянным и одиноким, он размышлял вслух о судьбе и никак не мог найти ответа: «Почему жизнь такая сволочная?» Павел Андреевич Атаманов, дед Варвары, потомственный казак, выросший с мечтами о Доне и казачьей вольнице, смерти не принимал. Он ненавидел ее, как ненавидят человека однажды предавшего, непорядочного товарища.

Еще мальчишкой, похоронив всех близких в блокаду и хлебнув прелести взрослой жизни, он объявил смерти войну. Но она всегда побеждала, и не было вариантов. Справиться с горем, чтобы жить! Шестьдесят три года он только тем и занимался. Сиротство, семнадцать лет в заводском общежитии и жена превратили его в человека замкнутого, эгоистичного и далеко не доброго. Но дочь привела в дом зятя, и он оттаял. Илюша оказался человеком добродушным и интересным, имеющим собственные, достаточно четкие представления о жизни, уважающим мнение других.

В семью он вошел сразу, без запинок. Это был именно такой муж, о котором мечтал Павел Атаманов для дочери. Все предыдущие Натальины женихи были ужасны: один писал стихи, у другого, генеральского сынка, самомнение заклинивало до потолка, а третий... Да что их вспоминать? Пока Варька, долго не желавшая появляться на свет, орала, очутившись в новом мире, а они с Ильей стояли, не обращая внимания на мороз, под окнами больницы, вопрос родства был решен окончательно: сын, и только сын. Наталья потом рассказывала, как соседки по палате завидовали: муж и отец, вместо того чтобы водку в тревогах пить, стоят под окнами и поддерживают своих девочек.

Наташка вышла замуж за Илью, у них родилась дочь, и все было хорошо. А потом Ильи не стало, мир, такой привычный и уютный, рухнул. Не вышло счастья-то. Похоронив мужа, Наташа, невменяемая и опасная в своих намерениях, тенью слонялась по квартире, позабыв о дочери и изобретая новые способы самоубийства. Настенька, сестра Ильи, совсем еще юная, все плакала и твердила о каком-то ею самой выдуманном проклятии, якобы наложенном на них цыганкой, и только Владлена, привыкшая принимать удары судьбы достойно, без истерик, оказывала всем «первую помощь» и повторяла: «Илью не вернешь, делать нечего, надо жить». Но это почему-то особенно раздражало Павла Атаманова. Тогда он впервые заподозрил жену в неискренности.

На девятый день Павел Андреевич вместе с Наташей и Варенькой поехал в лавру. Служба, долгая, с песнопениями, отчитками, внучку утомила, она разбаловалась, вела себя плохо. Он хотел, подхватив девочку, выйти из храма, но, заглянув в глаза дочери, замер в ужасе: в них ничего, кроме раздражения и ненависти, не отражалось.

– Дочка, что ты? Помолись. Попроси Господа, пусть примет мужа твоего у престола. Молись, нам нужен покой.

– Оставьте меня, – прошипела Наташа, – где был ваш Бог, когда Варвара оглохла? Что делал он, куда смотрел, когда умирал мой муж?

– Что ты, доченька, мы ведь верующие люди, и помыслы Создателя нам неизвестны. Может, он спасает нас.

– Вот и не надо со мной говорить. Пусть оставит свои помыслы при себе. – Схватив Варю за руку, она вышла из храма.

А над склоненными головами звучало: «Они подобны детям, которые сидят на улице, кличут друг друга и говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали. Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорит в нем бес...»

Через неделю Павел Андреевич вернулся в лавру и, остановив торопившегося по делам монаха, попросил о разговоре.

– У нас исповедь по четвергам, во время службы, подготовьтесь, приходите.

– Я не на исповедь, мне посоветоваться.

– В четверг, в четверг... Благословить могу и сейчас, а разговоры все по четвергам.

– Хорошо, извините, что задержал. – Он попрощался и решил уходить, в храме стало как-то очень мало воздуха.

Что-то заставило батюшку остановить этого странного человека, и он не ушел, остался с «душой тоскующей», дал ей выплакаться. Никогда еще Павел Андреевич не говорил так много. В его исповеди было все: блокада с громоздящимися повсюду трупами, хамство деревенских парней, приехавших в город на заработки после войны, живших с ним в одной общаге, беда внучки, неожиданная смерть Илюши, желание поверить в то, что все не зря, что есть в этом смысл, пусть микроскопический, но есть. И на все вопросы находились ответы, слезы высыхали, и душа просветлялась.

Легкость вдоха, пришедшая к нему в храме и принесенная домой, исчезла тут же, стоило ему заглянуть в глаза Наташи. Нет, словами не утешисься, подумал он, что-то не описанное в святых книгах, страшное есть в этом мире, оно в дрожании рук, отрешенном, безжизненном взгляде дочери, не прощенной Павлу Андреевичу смерти его отца. Чем мы прогневали этот мир, раз он так жесток к нам?

Отец его умирал долго. И в бреду все повторял: «Запомни, сынок, как хочешь, но спины не гни, ни перед кем, даже перед этим, с нимбом, если он, конечно, есть». Как будто не о чем больше перед смертью сказать. Павел так и прожил: поклонов не бил, пяток не лизал, тащил свой гордый профиль по земле и все время терял близких. Терял и забывал.

Именно тогда, приехав из лавры и стоя в прихожей с бутылкой пива в руке и в расстегнутом пальто, он решил сделать то, о чем задумывался уже давно: отыскать могилы родителей и брата. В архиве, наверное, есть данные о захоронениях в период с января по июнь 1942 года. Надо поднять документы, определить, на каком кладбище лежат его близкие, и найти могилу, пусть даже приблизительно. Но задача оказалась невыполнимой. Он обошел все архивы, кладбища и везде ему отвечали одно и то же:

– Атамановы Андрей Константинович и Аделаида Никандровна на тот период времени в городе не проживали. Вы ничего не путаете? Они точно были прописаны в Ленинграде?

– Да, Смоляная улица, 4А, в отдельной трехкомнатной квартире, с четырьмя детьми, один из которых – я.

– Мы бы рады помочь, но сведений на этот счет у нас нет.

Точно были прописаны и точно проживали, так же как и он, пока не ушел в общежитие, а вернувшись, нашел в своей квартире чужую семью из трех человек. Тогда-то он и узнал от управдома, что умер:

– Тебя, мальчик, по документам, в живых нет. Так что иди отсюда.

– Как это «нет»? Это моя квартира.

– Может, и была твоя, только, по домовоей книге, ты умер.

– Но как же умер? Вот он я, стою перед вами, живой и практически здоровый.

– Ничего не знаю. Архив сгорел, семья Атамановых погибла, никого не осталось. И не надо занимать мое время.

– Дядя Коля, неужели вы меня не помните? Ведь вы с моим отцом дружили, а Катька ваша с Костей, моим братом, под мостом целовались, вы тогда еще ей чуть косу не оторвали?

– Помню, Павлик, конечно, помню и тебя, и отца твоего, Андрея, царствие ему небесное, но помочь ничем не могу. По документам, ты умер. И лучше не приставай ни к кому больше, иди откуда пришел.

– Но ведь это моя квартира, а там чужая женщина с ребенком.

– Вот поэтому и говорю: уходи. Это не просто женщина, а жена товарища Соколецкого, проживает на законных основаниях, согласно ордеру, выданному самим товарищем Папковым.

– А как же я?

– Ну сколько можно повторять? Иди, покуда жив, а то беды не оберешься. Не твоя это больше квартира.

Могил близких он так и не нашел. Поставил памятник Илье и запил. Сначала было пиво, градусом слабое, но для его возраста опасное, потом тихо перешел на водку. В пьяном безумстве он все чаще и чаще вспоминал отца, просившего перед смертью выжить и сохранить род Атамановых, пусть не очень знаменитый, но честно служивший Отечеству. Тогда Павлу Андреевичу было тринадцать лет, и он боялся, больше за себя, чем за этого седого, старого и мало-знакомому ему человека. Таким он отца не помнил. Чернявым и высоким, «с бессовестной белозубой улыбкой», как любила говорить бабушка, был его отец. Там на грязном белье лежал другой мужчина, неприятный, опустившийся. Он все время хрипел и просил есть. Только после смерти лицо его утратило голодный оскал, опять стало красивым, прежним.

Они с матерью наняли управдома дядю Колю, тот за обручальное кольцо отвез тело отца на какой-то пункт приема. Мать, особенно сосредоточенная в минуту выноса покойника, в истерике не билась, может, у нее просто не осталось сил, а тихо повторяла: «Смотри, Павлик, и запоминай. Мне скоро за ним, поступи правильно. А Николай тебе поможет».

Мать он не похоронил. Это было первое предательство в его жизни. Он выжил, но Атаманов из него получился никакой. Какие традиции мог сохранить человек, семнадцать лет проживший в общежитии, испуганный, затравленный нищетой и страхами?

Теперь, просиживая целыми днями на даче у камина, сделанного собственными руками «для детей», и вспоминая прожитое, он никак не мог найти ответа на вопрос: «За что, Господи?»

А жена его, Владлена Александровна, по-прежнему деятельная, искала пути спасения внучки, такие же неправильные и фальшивые, как она сама. Он понимал это, хотел ее остановить, но не делал ничего. Слишком устал он от этой жизни, несущей ему разочарования, устал так, что не принял даже Бога, так долго тянувшего к нему руки в утешение.

* * *

В восьмом классе Варвара неожиданно увлеклась математикой и физикой и вышла в хорошистки.

Сердце Натальи немного притихло, но так и не успокоилось. Она по-прежнему ездила каждое воскресенье на кладбище, но уже больше по привычке, не особенно надеясь быть услышанной, и речи ее становились все оптимистичнее. Она рассказывала мужу обо всем, он же, как обычно, безответно выслушивал, а потом отпускал ее домой, чтобы вновь встретиться через неделю и узнать последние новости о близких ему людях.

Дети, учившиеся со мной, слышали хорошо, они не носили слуховых аппаратов, не вглядывались в движения губ собеседника, для того чтобы догадаться, о чем идет речь. Это были здоровые дети. Я хотела подружиться с кем-нибудь из них, рассказать о своей стране, где все носят настоящие имена и счастливы. Но они не слушали. Я рвалась в дружбу, мечтая найти того, с кем можно будет поделиться полетами над дорогой, обсудить рассветы над зеленой

горой. Только однажды девочка по имени Кристина, с длинной пшеничной косой, очень красивая, снизошла до общения со мной. Она стала моей первой подругой. Светку Белоусову, знакомую с младенчества, я в счет не брала. С Кристиной мы вместе ходили в столовую, иногда она списывала мои домашние задания и разрешала мне подавать ей сменную обувь из мешка. Один раз я случайно подслушала ее разговор с Димкой Илларионовым о том, что снисходительность – удел королев, и поэтому она не станет прогонять инвалида: «Подобная связь возвышает над обществом и в глазах учителей». Вечером я спросила у Насти: «Кто такие инвалиды?» Она промямлила что-то, но я не поняла; у мамы спрашивать не хотелось, она, как мне казалось, вряд ли обрадуется такому вопросу. Они скрывали от меня что-то важное, а это неприятно.

Училась я плохо. Основной оценкой, заслуженной, но не без натяга, законно поселившейся в моем дневнике, стала тройка. Но это никого не смущало: «Главное – чтобы ребенок учился в общеобразовательной школе и не общался с придурками, машущими руками, тупыми и ограниченными в силу природного недостатка».

Кристина, наигравшись в благотворительность, нашла себе другую подругу, и я, оставшись в полном одиночестве, увлеклась учебой. Мне понравилось, что все предметы подчиняются своим специфическим законам, понятным, если взглянуть в первоначало.

В мой дневник стали заглядывать четверки, однажды даже прихватив с собой пару пятёрок.

К концу восьмого класса я выбилась в хорошистки и влюбилась: смешной такой мальчишка, с голубыми глазами и растерянной улыбкой на подвижном лице и таким же забавным, как он сам, именем, Миша Мохначев. Мне сразу представлялось что-то совсем мягкое, мохнатое, с теплой шерстью и совсем не злое. Теперь маме не приходилось канючить по утрам: «Варя, вставай, уже скоро девять, в школу опоздаешь». Я перестала опаздывать. Предчувствуя звонок будильника, вскакивала, бежала в ванную. Надо было успеть принять душ, надеть что-нибудь эдакое и по-взрослому попить кофе, о чае с бутербродами или каше и речи быть не могло. Где вы видели взрослую женщину за тарелкой каши? Это для детей. Я же выросла и познала любовь, у меня появился молодой человек, правда, он еще не знал этого.

В мужской день, двадцать третьего февраля, я решила положить конец неопределенности и подарить ему себя, точно зная, как это будет. Сценарий объяснения, на который я потратила почти неделю, был продуман до мелочей: я, в праздничном платье с сиреневым бантом, подойду на большой перемене и, одарив его одной из своих замечательных улыбок, скажу: «Миша, мы любим друг друга, тебе трудно признаться, поэтому я решила сделать это сама. Давай дружить, ходить вместе в кино и на концерты, лазить в Интернет, а когда подрастем, я стану твоей женой». Так я и поступила.

На третьем уроке наша биологичка Алевтина Николаевна устроила контрольную по законам Менделя. Мушки дрозофиллы, опьяненные моими переживаниями, не сумев толком скреститься, расселись на разноцветных бобах неправильной окраски и принесли мне двойку на своих маленьких крылышках. Но разве может это огорчить, когда впереди целая счастливая жизнь, настоящая, взрослая, с человеком любимым и любящим, и до объяснения всего несколько минут. Наскоро затолкав учебники в портфель, я выскочила из класса. Я так спешила, что забыла листок с контрольной на парте, пришлось возвращаться, стоять в очереди к столу учительницы. Выйдя из класса, я поняла, что опоздала: Мишки в коридоре не было. Я добежала до столовой – хотелось увидеть его как можно скорее, но и там пусто. На большой перемене мальчишки часто выбегали за школу покурить, Мишка вроде бы не курит, но на всякий случай я решила выйти и посмотреть, может, пошел за компанию. Я выскочила на крыльцо и увидела их.

Весна в этом году никак не хотела наступать. На улице было так холодно, что я почувствовала, как мой живот и плечи начинают предательски подрагивать. Стараясь не обращать на это внимания, я направилась к своему счастью.

– Эй, Мохначев, смотри, твоя, в идиотском платье.
Меня нисколько не смутило это замечание.

Но Мишка почему-то глупо засмеялся, пряча за спиной сигарету, сделал вид, что вовсе не меня ждал все это время, а просто курил с пацанами.

«Зачем он курит? Это же вредно, и заболеть можно. Ничего. Я отучу его», – подумала я, а потом сказала: «Миша, нам надо поговорить, давай отойдем в сторону». Казалось, он не понимает, смотрит, слушает, но от друзей не отходит. А как иначе, ведь он потерял не меньше моего, хорошо, хоть я решилась. Подойдя поближе, я взяла его за руку и отвела в сторону. Теперь уже плохо помню, как это было. Я говорила о наших чувствах, будущих детях, о дороге, над которой можно летать, и еще о многом.

Он слушал. Видно было, что ему интересно и он не против начать такую отличную жизнь со мной. Конечно, он немного испуган и смущен, ведь это он должен был мне все это сказать. Еще минута – он прижмет меня к своей груди и попросит прощения, что так долго не решался объясниться сам. И вдруг я услышала или прочитала с губ, уже не помню: «Знаешь, я ничего не понял. Может, ты напишешь? Я не разбираю твою речь». И тогда я узнала, кто такой инвалид. Десять лет они учили меня говорить, и в самый главный момент своей жизни я запуталась в звуках, не смогла выразить то, чем жила последние месяцы, словами. Я – никчемная, косноязычная уродина, придумавшая себе волшебную страну и любовь.

Я ничего не стала писать. Просто ушла, опустив плечи, и больше никогда не смотрела в его сторону. Даже когда однажды он подошел и заговорил со мной, я сделала вид, что не слышу. Да и зачем мне? Все решено, мой удел – одиночество и книги, в них я найду друзей. Многие женщины прошли по жизни без любви, и мне она не нужна.

Не думаю, что тогда я именно так оценила ситуацию. Просто мир, недоступный моему восприятию, в тот момент окончательно отвернулся от меня, и, сколько бы потом я ни пыталась вернуть хотя бы прежнее его понимание, все было тщетно.

Я научилась слушать, но от этого не стала слышащей, меня выдрессировали в звукопроизношении, но говорю я по-прежнему отворачиваясь, особенно когда чрезмерно стараюсь. Понимают мою речь, а правильнее – понимали, только близкие, но и им это стоило определенных усилий.

Теперь я уже не обижаюсь на просьбы изложить сказанное на бумаге, а порой даже сама, чтобы не тратить зря времени, делаю это. Но там, на крыльце школы, я хотела провалиться в снег, быть тут же убитой сосулькой с крыши или похищенной инопланетянами. Все что угодно, только без позора. До сих пор, закрывая глаза, я вижу девочку в нелепом платье, на лице которой не успело исчезнуть выражение идиотской радости первой любви.

Конечно, я не провалилась сквозь землю, сосульки как никогда крепко держались на крыше, а инопланетяне были чем-то очень сильно заняты.

Проплакав всю ночь, засыпая и просыпаясь, крутясь в постели, я так жалела себя, что даже дорога, с которой начинались мои сны, изменила свое направление и зашла в тупик. И как я могла заснуть, если перед глазами стоял Мохначев, растерянный, непонимающий, со смеющимися одноклассниками за спиной. А завтра надо идти в школу, где все будут «наблюдать за дурочкой». Нет. Лучше умереть, и им будет не до смеха, подумала я. А он придет на могилу и заплачет, поймет, как ошибся, и ему станет стыдно за предательство, за то, что он так... И еще долго, долго я придумывала разнообразные варианты мести и так увлеклась, что даже не заметила, как дорога, светящаяся разметкой в ночи, выбралась на простор и полетела вперед, успокаивая, но уже не даря надежды.

Утром я решила больше не ходить в школу. Слоняясь по улицам и думая о том, что жизнь прошла, так и не успев начаться, я придумывала различные способы самоубийства и радовалась, представляя расстроенные лица одноклассников. Два часа на холоде утомили, я устала

и пошла в школу. До конца урока оставалось еще минут пятнадцать, можно было заглянуть в библиотеку, но, поднявшись на второй этаж, я почему-то очутилась в столовой.

– Пирожок и чай, – протянув буфетнице деньги и на всякий случай показав пальцем, потребовала я.

Буфетчица, Елизавета Петровна, была, пожалуй, единственным человеком в школе, испытывающим нежность к этой глухой и очень симпатичной, по ее мнению, девочке.

– Варенька, как твои дела? Ты почему не на уроке?

– Хотела сегодня умереть, но не знаю, как это делается.

– Что за глупость такая? Что ты, деточка, тебе еще рано о таком думать.

– Кажется, я вчера дел наделала, за которые медали не дают.

– Что ты натворила? Рассказывай, что произошло, может, все не так уж и страшно.

Разреветьшись, я рассказала обо всем: как, переполненная счастьем, вышла на крыльцо, как открылась в своем чувстве и чем это обернулось.

Сильная по природе, Елизавета Петровна терпеть не могла нытиков. «Плохо тебе – сцепи зубы, и вперед, жизнь ошибки разберет и оценки поставит», – говорила она.

– Сама виновата, – без малейшего сострадания в голосе, начала она с выговора. – Значит, говоришь недостаточно хорошо, раз в любви объясниться достойно не смогла. Заниматься надо, правильно говорить учиться, а не слезы по себе, любимой, лить. Грех это. Быстро вытирайся, – она протянула бумажную салфетку, – и на урок. Не смей сдаваться, иначе будешь «второй лягушкой».

Я тут же рассмеялась. Тогда я еще не знала ничего про двух лягушек, случайно свалившихся в кувшин с молоком, и не понимала глубокой философии образов, просто мысль о том, что можно превратиться мало того что в лягушку, так еще и в лягушку номер два, была так забавна, что слезы высохли и вчерашние беды оказались не такими страшными.

Время шло, я излечилась от надежд. Если человеку не положено любить, то и нечего обманывать самого себя мечтами о будущем. Мохначев вырос, он больше не боялся чужого мнения, наверное, я ему даже по-прежнему нравилась, но прошлое повисло между нами прозрачной стеной предательства, с огромным цветным граффити – инвалидность.

Мама по-прежнему переживала, старалась оградить меня от любой опасности внешнего мира, но я уже давно вышла из-под контроля и родительской опеки. Внешне я ничем не отличалась от послушной дочери и внучки, по-прежнему примерно училась, убирала квартиру, по воскресеньям ходила с Настей в музеи и на выставки, готовилась к поступлению в институт. «Идеальный ребенок», – замечали соседи. «Воспитанная и умненькая девочка», – говорили в школе. «Дура!» – веселились мои ночные приятели. Теперь их стало еще больше. Я придумывала их, раздавала им роли, сочиняла слова для представления. И ни один из них ни разу не указал мне на неполноценность, не попросил записать сказанное на бумаге, а уж если кто из них и влюблялся в меня, то по-настоящему, не оглядываясь на товарищей.

Иногда я думала, что все не так уж и страшно, – пройдет еще какое-то время, я вырасту окончательно и умру или уйду в монастырь. Не рассказывая никому в семье о своем решении, я часто мечтала, представляя себе, как это будет. Единственным человеком, которого я пусть и частично, но посвятила в свои планы, была Светка; после той глупой истории с Мохначевым только она не смеялась надо мной, и я решила, что мы подруги навсегда. Светка не одобряла моих порывов, и вообще ей не нравилось такое отношение к жизни, она постоянно, словно попугай с выставки, твердила одно и то же: «Сначала надо поступить в институт и только потом уже делать что хочется».

Порой меня раздражала ее правильность. Но я не высказывала своего мнения: глупо терять подругу только из-за того, что она бредит высшим образованием.

Мама тоже ни о чем, кроме института, не говорила. «Институт, институт, институт!» – сыпалось на меня отовсюду, но я выключала аппараты и слушала музыку сфер. К тому же там, в монастыре, меня ждала совершенно новая жизнь, без назойливых маминых нотаций и дедова ворчания: «Лучше пусть нормальной профессии обучится – швеи или фасовщицы, в конце концов, на работу пойдет, делом займется. Какая ей математика и физика, говорить-то понятно не умеет». Обычно после этих слов мама плакала, а дед со словами «вот дурак, вечно влезу куда не надо» уезжал на дачу.

Я не спорила – у каждого свои мечты о моем будущем. Еще год-два – я соберу необходимые вещи в сумку, возьму пару кусков хлеба и отправлюсь в путь. В пятом классе мы с мамой ездили в Пюхтенский монастырь, молиться за мое излечение, именно там я и решила обязательно стать монахиней. Жить монахом в миру – глупо, для этого есть монастыри, туда я и отправлюсь.

Впрочем, тогда я еще мыслила более простыми образами: храм, источник, пшеничное поле и красивые, очень худенькие девушки в длинных черных одеждах. Позже я узнала про клобук и подрясник. Я очень хорошо бы смотрелась в такой же одежде, на коленях у иконы Богородицы, с глазами полными слез. А он бы стоял неподалеку и тоже плакал, потому что несколько лет назад похоронил жену и приехал к нам в монастырь выпросить прощение за то, что не сумел сохранить счастье. В мечтах я позволяла ему быть немного некрасивым и рассеянным. Пусть он потеряет, например, кошелек с деньгами или документы и робко спросит у меня: «Вы, случайно, не видели вора или кошелек, который я обронил?» А я просто посмотрю в его глаза, и он поймет, что настоящая любовь еще впереди, не стоит переживать из-за жены, ведь она уже умерла и наверняка обманывала его, потому что не была монахиней и часто летала на самолетах. Мне было нисколько не жаль ту, выдуманную женщину, обреченную мной на гибель в авиакатастрофе, сама виновата – не надо было выходить замуж за чужого мужчину.

Одиннадцатый класс, такой сложный по представлениям моей мамы, я закончила практически без троек. Скорее всего, моей заслуги в том не было – учителя, по-своему проявив сострадание к бедной глухой девочке, чуть завысили оценки и отпустили меня на волю с хорошим аттестатом. «Без труда не вытянешь и рыбку из пруда» – это было не обо мне. Училась я мало и неохотно, больше мечтала и строила планы на будущее, читала книги о любви и принцах на белом коне. Зачем тратить время на пустяки, когда впереди меня ждет абсолютно беззаботная и счастливая жизнь: мой будущий муж прямо из монастыря привезет меня в огромную квартиру на Крестовском острове или в Старой деревне, и мы там будем каждый день пить кофе со сливками и смотреть интересные фильмы про любовь.

Единственное, что меня пугало, – будущие роды. Не имея никакого представления о близости между мужчиной и женщиной, я в семнадцать лет больше всего боялась родов. Мама любила рассказывать о том, как все радовались моему появлению на свет, как отец привез в роддом огромный букет белых хризантем, а медсестры ругались, требовали немедленно убрать цветы из палаты, чтобы не занести стафилококк и всякие другие инфекции, как меня завернули в одеяло и повезли домой. И каждый раз на глазах ее появлялись слезы, а руки начинали дрожать. Не было в ее истории счастья, я это чувствовала, но объяснить не могла. Знала одно: рожать плохо и страшно.

Накануне выпускного вечера пришлось ехать на дачу. Дед, несмотря на четыре скандала, требование бабушки явиться и поздравить внуку с успешным окончанием школы игнорировал. Посчитав бал, «от которого зависит будущее не только Вареньки, но их будущих атамановских правнуков», занятием пустым, в город приезжать категорически отказался. Тогда, не придумав ничего умнее, бабушка дала мне деньги на электричку и отправила «договариваться».

Дед гостей не ждал. В доме было холодно, на столе стояла початая бутылка водки, а из еды – пара кусков хлеба и одна, сваренная дней пять назад, картофелина.

– Варенька, привет! Ты за каким лихом пожаловала? – весело зачастил он, как только я переступила порог, стараясь не встречаться со мной глазами.

– Всегда ты так: в город приезжать не хочешь, водку один пьешь. А у меня праздник.

– Милая, тебе не идет сварливость, у нас бабушка в этой роли.

– Ага! Привык на нее все валить.

– И эта реплика ее.

Я растерялась. С какой стати он со мной разговаривает как с маленькой, да еще смеется. Я уже школу заканчиваю, скоро из дома уйду, а он ведет себя так, будто внука из детского сада вернулась и про Деда Мороза рассказывает.

– И что? – Ничего другого мне в голову не пришло.

– Ты ведь меня на выпускной звать хочешь? Не старайся, зря приехала. Не могу я тебе праздник портить.

– Чем же портить? У меня платье красивое, туфли мама купила.

– Тем более.

– Дед, ты странный человек, никого не любишь, живешь здесь один.

– Почему же один? Вот ты сейчас аттестат получишь, поступишь в институт и оставшееся до занятий время у меня поживешь, воздухом свежим подышишь, в реке купаешься. Мне в городе делать нечего.

– Нет. У меня другие планы. Я пока говорить не хочу, позже узнаешь.

– Что еще за планы? – Лицо Павла Андреевича напряглось, голос стал строже. – Варя, мама об этих планах знает?

– Вот еще. Я уже взрослая, и мне совсем не обязательно спрашивать у мамы разрешение на все.

– Ты подожди, я сейчас оденусь, вместе поедem. – Руки его дрожали, и он никак не мог вытащить из шкафа чистые носки.

Обрадовавшись быстрой победе, я подскочила и кинулась ему помогать, я так старалась, что через несколько минут все носки валялись на полу, а мы с дедом старались собрать из них хоть одну пару.

Я до сих пор помню, как это было: широко распахнутые дверцы шкафа, белье, разбросанное по всей комнате, и два веселых человечка с картинки «Найди различия». Сейчас я бы с удовольствием отдала несколько лет жизни за ту, вовсе не казавшуюся мне тогда счастливой, минуту.

Домой мы приехали поздно, мама заметно нервничала, но, увидев нас вдвоем, ругаться не стала. «Ничего, скоро я уйду в монастырь, ей станет легче – не надо будет переживать из-за меня», – подумала я и отправилась в свою комнату.

– Наташенька, ты пойми, у нее такой возраст, тут глаз да глаз.

Павел Андреевич чувствовал неловкость оттого, что приходится поучать дочь. Если бы не странные заявления Варвары, он никогда не решился бы на этот разговор. Пугали не Варини слова, а то, с какой серьезностью они были произнесены. Он уже видел подобное выражение лица у дочери, тогда, в лавре.

– Папа, знаю я! – попробовала отмахнуться Наталья.

– Ничего ты не знаешь, и я не знаю, и бабушка. Она что-то задумала и скрывает. И как спросишь?

– Это ты на ее слух сейчас намекаешь?

– При чем здесь слух, она живет в выдуманном мире, никого не слушает. Вот беда-то, натворит глупостей. А все вы с бабкой – главное, чтобы училась хорошо. Совсем не главное, я разве хоть раз тебя тройкой или двойкой попрекнул? А тебе насколько легче было!

– Пап, не обижаю я ее. У самой сердце за ее будущее болит. Иногда ночью проснусь и думаю: «Ну, закончит она институт, получит диплом, а дальше? За глухого замуж? Так ведь не уживется, мы так долго ей внушали, что она из другого мира. Мы с ней как-то в метро ехали, ребята неслышащие в вагон вошли, руками машут, друг другу что-то рассказывают, смеются, так она от них как от чумы шарахнулась.

– Да уж, вырастили оранжерейное растение.

– И я не вечная. Потом, захочет ли она с матерью до старости без любви и детей жить? – Отвернувшись от отца, Наталья всхлипнула.

– Наташа, милая, пожалуйста... завтра праздник, глазки припухнут.

Сердце Павла Андреевича несколько раз тревожно стукнуло, готовое остановиться, и вновь забилося, перегоняя кровь по сосудам. Из-за собственной слабости он предал дочь, бросил ее один на один с бедой, сбежал. Теперь уже прошлого не вернешь. Варвара выросла, Наталья так с потерей и не справилась, а сам он, сколько ни скрывай от себя и людей, – алкоголик.

На следующий день всех собрали в спортивном зале, зачем-то украшенном новогодними гирляндами и елочными шарами. Я думаю, это директриса решила сэкономить на цветах, не хватало только Деда Мороза и нашего дружного крика: «Раз, два, три, елочка, гори!»

Очень хотелось крикнуть, но мы не крикнули.

Выстроившись в шеренгу, мы терпеливо слушали речи учителей о важности момента, о переходе в новое, взрослое состояние, сознательности выбора и всякой прочей белиберде, традиционно присутствующей на подобных мероприятиях. На минутку перестав следить за губами завуча, я прослушала последние слова и решила, что с меня достаточно, теперь я чувствовала себя солдатом на посту – скоро придет новый наряд и меня сменят, надо еще какое-то время потерпеть, постоять с соответствующим моменту лицом, чтобы потом отправиться на настоящий праздник, без поучений. К тому же мы все знали: после торжественной части последует чаепитие с пирожными и шампанским, купленными заранее родителями.

Наконец громкие речи отгремели, учителя ушли со сцены, кто-то включил магнитофон, и праздник вступил в свои права.

Шампанское, про которое мы столько слышали в последнее время от родителей, пузырившееся в прозрачных фужерах, и пирожные, которые я так любила в обычные дни, сегодня так и остались нетронутыми. Всем хотелось казаться взрослыми, поэтому за углом школы мальчишки накрыли свой импровизированный стол с более достойными напитками. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь решил, будто я слабачка, поэтому я сразу начала с портвейна.

Светка пить отказалась категорически, она вообще портила всем настроение своим нытьем: «Я вашим родителям расскажу, стыдно так себя вести девочкам». Откуда в ней такая правильность, размышляла я, можно подумать, что выкурить пачку сигарет, презрительно глядя на одноклассников, лучше, чем выпить пару стаканов португальского портвейна.

Кристина тоже не принимала участия в общем веселье – экзамены закончились, надобность в нас отпала. Неспешно потягивая свой «Данхил», она наблюдала «за малолетками, вырвавшимися из-под маминых юбок». У нее было самое красивое платье, взрослая прическа и купленное папой поступление в большой университет. Куда нам до нее с нашими глупыми амбициями и пустыми кошельками? Еще пара часов – она получит аттестат, характеристику и навсегда забудет глупых одноклассников.

Когда Антон предложил перейти на коньяк, я даже не попробовала отказаться – праздник так праздник, а в праздник пьют коньяк. Сделав первый глоток, я едва не выплюнула содержимое – гадость первостатейная, хуже портвейна.

Но раз уж я решила начать новую, взрослую жизнь, то приходится терпеть. Закусив коньяк долькой апельсина, я улыбнулась и снова протянула стакан. Антон несколько не удивился – ему тоже хотелось казаться крутым. Он тут же налил мне еще.

Голова закружилась, в теле появилась легкость и ощущение полной безнаказанности любого движения. Светка опять что-то говорила, теребила меня за рукав, но я уже не слушала:

– Прекрати! Что ты толкаешься? Сейчас выпью чуть-чуть, и пойдем танцевать.

– Не веди себя так, стыдно! Ты же девушка! – прочитала я по ее губам.

– И не просто девушка, ты забыла добавить: глухая, никчемная, некрасивая, способная только на то, чтобы учиться и портить жизнь другим.

– Варя, я дала слово твоей маме.

– Обещала – исполняй, а меня оставь в покое! Антон! Наливай!

– Что ты там пробулькала? Наливай? – Ему явно нравилась роль заводилы.

– На бумажке написать, как когда-то Мохначеву?

– Кто старое помянет – тому глаз вон. Я бы ни за что от такой телки не отказался!

– От кого? Ты что, колхозник?

– Типа того.

– Небось и целоваться не умеешь, а туда же – телки, девки. Урод.

– Очень неплохо, между прочим, это делаю, как и многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.